

УДК 902

О. Соффер¹, Дж.М. Адовазио², Д.С. Хайлэнд²¹ *Факультет антропологии, Иллинойский университет, США, Department of Anthropology, 607 s. Matthews 10a D, University of Illinois, 109 Davenport Hall Urbana, Ill 61801, U.S.A. E-mail: o-soffer@uiuc.edu*² *Мерсхерстский археологический институт, Мерсхерстский колледж, США, Mercyhurst Archaeological Institute, Mercyhurst College Erie, Pennsylvania 16546, U.S.A.***ОДЕЖДА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ “ВЕНЕР”: РЕАЛИИ И ГИПОТЕЗЫ***

“Венера из Виллендорфа”, в рамках ее культуры и в тот исторический период, а не в рамках нашей культуры, была богато и тщательно одета. На ней были тканые одежды, соответствующие ее культуре. Фактически она представляла собой нечто вроде справочной библиотеки и являлась многоликим и полифункциональным символом [Marshack, 1991, p. 29].

Введение

Проводимые нами совместно с чешскими коллегами исследования материалов граветтийского периода из таких хорошо известных памятников, как Долни Вестонице I и II, Павлов I, документально подтверждают существование весьма разнообразных и сложных текстильных технологий, которые включали производство веревок, вязание сетей, плетение корзин и изготовление тканей на станке [Adovasio et al., 1996, 1997, in press; Soffer et al., 1998, in press]. Свидетельством не сохраняющихся долго предметов являются 36 отпечатков ткани на маленьких фрагментах из обожженной и необожженной глины, найденных в Долни Вестонице I [Soffer et al., in press], один из Долни Вестонице II [Adovasio et al., 1997] и 42 со стоянки Павлов I [Adovasio et al., in press].

По исследованным образцам установлено, что ткани и веревки были изготовлены из волокон не животного, а растительного происхождения, которые использовались для производства различными методами чрезвычайно широкого круга изделий. Как показано в таблице, в набор предметов входят однорядные, многорядные крученые и плетеные веревки, вязаные узлами сети, корзинки, сплетенные из ивняка, а также разнообразные тканые образцы, изготовленные на ткацком станке без ремизной нити, включая простые и с диагональным переплетением, или саржевые. Некоторые изделия даже имеют структурный орнамент [Soffer et al., 1998].

Поскольку керамика из Моравии очень фрагментарна и отпечатки на ней слишком слабые, мы не можем с

уверенностью определить конфигурацию и размеры предметов, оставивших эти отпечатки. Все же мы знаем, что представлены тканые изделия и плетеные корзинки. Как мы утверждали в других работах [Adovasio et al., 1996, 1997, in press; Soffer et al., 1998, in press], плетеные предметы - это, весьма вероятно, корзинки или коврики, а относительно большое разнообразие размеров и образцов текстильных изделий говорит о том, что это коврики или, возможно, декоративные настенные ткани, одеяла и сумки, а также широкий набор предметов одежды, таких как накидки или шали, рубашки, юбки и пояса. Присутствие на некоторых отпечатках последовательно расположенных узлов свидетельствует об изготовлении сетей, а наличие швов, выполненных стежками через край, указывает на сшивание тканей для производства более сложных изделий - одежды и сумок.

Большое разнообразие образцов наряду с изяществом отделки многих из них указывает на то, что они были выполнены мастером и никоим образом не являются “первой пробой пера в ремесле”. Более того, высокий уровень стандартизированной обработки утка и основы ткани - признак значительного предшествующего развития как в области изготовления данных предметов, так и технологии производства изделий из растительных волокон.

Обсуждаемый материал получен из памятников верхнего палеолита, относимых к павловской культуре и твердо датированных 27 - 29 тыс. л. н. Он является пока самым ранним свидетельством существования текстильного производства и отражает технологию, которая ранее ассоциировалась с гораздо более поздним периодом неолита [Childe, 1936]. Тем не менее это не единственные палеолитические образцы такого рода. Например, А. Чейнир [Cheynier, 1967] писал, хотя и в несколько анекдотическом стиле, об

* Статья подготовлена для конференции “Локальные различия в культурах каменного века”, Музей антропологии и этнографии, Российская Академия наук, Санкт-Петербург, Россия, 25 - 30 апреля 1999 г.

Без разрешения авторов просьба не цитировать.

Образцы утраченных технологий производства изделий из растительных волокон
на территории Моравии верхнего палеолита, шт.

Класс	Тип	Место раскопок (стоянок)		
		Павлов I	Долни Вестонице I	Долни Вестонице II
Текстиль	Плетение:			
	открытое простое, Z-плетение утка	2	-	-
	закрытое простое, Z-плетение утка	2	1	-
	открытое простое, S-плетение утка	3	3	-
	закрытое диагональное, Z-плетение утка	1	-	-
	открытое диагональное, Z-плетение утка	4	-	-
	закрытое диагональное, S-плетение утка	2	-	-
	открытое диагональное, S-плетение утка	3	1	-
	закрытое простое, S-плетение утка	-	1	-
	закрытое простое, Z и S-плетение утка	-	1	-
	открытое и закрытое простое, Z и S-плетение утка	-	1	-
	закрытое простое, неизвестное плетение утка	2	-	-
	открытое неизвестное, Z-плетение утка	2	-	-
	неизвестное простое, S-плетение утка	1	-	-
	неизвестное	7	1	1
Корзины	Простое ткачество:			
	1/1 сплошное	-	5	-
	Плетение:			
Веревки	2/2 по диагонали	-	4	-
	неизвестное	-	6	-
	Одинарные, однородные, Z-кручение	1	-	-
	Сложные, двухрядные, S-кручение (?), Z-плетение	2	1	-
	Сложные, двухрядные, S-кручение, Z-плетение	-	1	-
	Сложные, двухрядные, Z-кручение, S-плетение	4	-	-
	Сложные, двухрядные, Z-кручение (?), S-плетение	-	3	-
	Составные, двухрядные, Z-кручение, S-плетение	1	-	-
	Оплетенные, в три пряди	1	1	-
	Z-плетение	3	-	-
Сети с узелками	S-плетение	8	6	-
	Неизвестный	-	1	-
	Вязание узлами	4	-	-

отпечатке текстильного материала времени культуры солотре, найденном в Бадегуль (Франция). Сообщалось об обнаружении остатков веревок и на несколько более поздних стоянках в Ляско (Франция), Огало II (Израиль) [Nadel et al., 1994]; Косоуцы (Молдова) и Межирич (Украина) [Adovasio et al., 1997, in press (с библиографией)]. Эти данные доказывают существование ткачества и плетения из растительного волокна в ряде регионов помимо Моравии.

Ранее мы указывали на то, что малочисленность данных об этих утраченных технологиях в позднем плейстоцене по сравнению с обилием артефактов из камня, оленьего рога, мамонтовой кости и костей других животных не представляется удивительной, более того, этого можно было ожидать, учитывая различия условий, необходимых для их сохранения, и несовершенство методик воссоздания утраченных предметов [Adovasio et al., in press; Soffer et al., in press].

Наши данные о том, что люди умели ткать и плести из растительного волокна уже, по меньшей мере, к граветтийскому периоду, а также следующее из этого предположение об изготовлении из полученных материалов различными способами более сложных изделий поро-

дают вопросы, которые можно объединить в два крупных, рассматриваемых в рамках данного исследования, а именно: 1) как предметы изготовлялись и использовались; 2) кто их изготовлял и использовал.

Хотя наше исследование орудий труда, которые могли быть использованы для изготовления текстильных материалов и изделий из них, находится только на начальной стадии, можно отметить одновременность появления палеолитического текстиля и инструментов для шитья, тканья и плетения сетей. В частности, иглы с ушком впервые появились в граветтийский период *sensu lato*, что наблюдалось по всей Европе от Франции до стоянки Сунгирь в России [Бадер, 1978; Позднепалеолитическое поселение..., 1998]. Возможно, некоторые из них, как, например, большая игла из Пржедмости [Klima, 1990, fig. 28], использовались скорее только на завершающем этапе изготовления сетей, однако ее последующие аналоги из мамонтовой кости, обнаруженные повсеместно на стоянках верхнего палеолита позднего периода, свидетельствуют о распространении шитья и, может быть, вышивания. Традиционно данные иглы связывают с изготовлением одежды из шкур и кожи [Позднепалеолитическое поселение..., 1998 (с библиографией)], мы же, учитывая

малые размеры многих из этих игл, полагаем, что их использовали для работы с тканью (для шитья или вышивания), а не для сшивания шкур. Инвентарь многих памятников указанного периода и более позднего времени включает орудия, которые рассматривались как предметы украшения или искусства, а на самом деле могли быть связаны с текстильным производством. Например, не исключено, что костяной “наконечник” из Пржедмости [Klima, 1990, fig. 33] - это сетевая распорка; человеческие фигурки из бивня мамонта, найденные в Пржедмости [Ibid, fig. 23, 24], и их аналоги из Авдеева могли служить противовесами для ткацкого станка; загадочные “рондо”, а также вырезанные из мамонтовой кости круглые предметы из Сунгири [Бадер, 1978, рис. 114] и перфорированные диски из мамонтовой кости из Межирича [Пидопличко, 1976, рис. 74], возможно, были блоками веретена.

Здесь представлены первые результаты нашего исследования относительно того, кто изготовлял и использовал хотя бы некоторые из утраченных предметов. В своих изысканиях мы обращались к данным иконографии, наиболее достоверным свидетельствам этноистории, современной этнографии и находкам из захоронений верхнего палеолита, связанным с погребальной одеждой.

Статуэтки “Венеры”: иконोगрафические данные об одежде

Изображения человека в позднем плейстоцене

Один из соавторов ранее отмечал, что никакому предмету материальной культуры верхнего палеолита не уделяли столько внимания и любители, и профессионалы, сколько изображениям человека [Soffer, 1997; Soffer, Conkey, 1997]. Особый интерес в устных выступлениях, наглядных демонстрациях и публикациях проявлялся к палеолитическим изображениям женщины, в литературе их принято называть “Венерами”. Вообще говоря, в основном изучались определенные особенности, свойственные многим статуэткам, а именно изображение первичных и вторичных половых признаков: вульвы, груди, живота и ягодиц [Soffer, 1987, 1997; Soffer, Conkey, 1997]. Такое выборочное внимание лишь к некоторым чертам, которые без какой-либо аргументации определялись как половые признаки, привело к появлению неслетного числа противоречивых интерпретаций семантики статуэток. Высказывались различные мнения, начиная с того, что эти статуэтки являются изображениями богини-матери, воплощением плодородия, гинекологическими букварями, автопортретами, представляют собой палеозротику, вплоть до предположений, что они отражают характерные для того времени представления о социальном статусе женщины (см., например, обсуждение существующих теорий в работах [Delporte, 1979; Dobres, 1992; Duhard, 1994; Marshack, 1991; McDermott, 1996]). Многие ученые высказывают серьезные возра-

жения против подобных однозначных толкований, основанных на неоправданных предположениях и выборочных особенностях без учета контекста и хронологии (например [Dobres, 1992; Soffer, 1987, 1997; Soffer, Conkey, 1997]).

Различные “Венеры”

Женские статуэтки, количество которых только для граветтийского периода составляет более 200 полностью или почти полностью сохранившихся фигурок, чаще всего представляют собой обнаженные тела, в изображении которых наблюдаются значительные вариации. Как указывает М.А. Добре [Dobres, 1992], существуют различия по используемому материалу и территориальные особенности в изображении женского тела, не зависящие от материала.

При изучении 100 статуэток и фрагментов, найденных на стоянках граветтийского периода на территории европейской части России, М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 19896], тщательно проанализировав позу тела, морфологические особенности и украшения, пришла к заключению, что существует не менее четырех типов статуэток, обнаруженных в разное время на памятниках в Костенках и Авдеева. Это действительно первое настоящее археологическое исследование данной категории материальной культуры, включающее рассмотрение большого количества черт, и оно позволило автору сделать следующий вывод: разнообразие и многочисленность найденных статуэток дает основание предположить, что они были многофункциональными, причем разные типы статуэток выполняли разные функции в палеолитическом пантеоне и каждый тип имел свое собственное символическое значение, передаваемое через позу и акцент на тех или иных частях женского тела [Ibid, p. 89].

Внимательно изучив акценты и изменения анатомических черт, включив в исследование также женские статуэтки, найденные в Центральной и Западной Европе и датируемые примерно тем же временем - 20 - 26 тыс. л. н., М.Д. Гвоздовер отметила, что для Западной Европы характерен акцент на бедра, для Восточной - на грудь и живот, а статуэтки из Центральной Европы занимают промежуточное положение. Восточноевропейский тип изображений имеет внутренние различия (рис. 1; 2, а).

Характер “одежды Венер”

Беглый просмотр любой работы о женских статуэтках верхнего палеолита ясно показывает, что имеются как полностью обнаженные, так и частично одетые фигурки на территории всей Евразии от Атлантического океана до оз. Байкал (например [Абрамова, 1962; Delporte, 1979; Gvozdover, 19896]). Это резко контрастирует со статуэтками палеолита (например, Брно II, возможно, Стадель; возможно, мужская статуэтка из Авдеева, фрагменты мужских фигурок из Долни Вестонице и со стоянки Павлов I), изображающими или совершенно

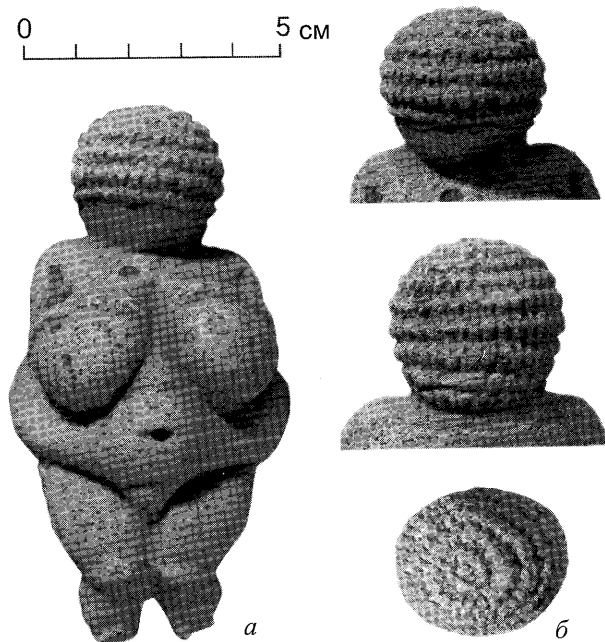

Рис. 1. "Венера" из Виллендорфа.

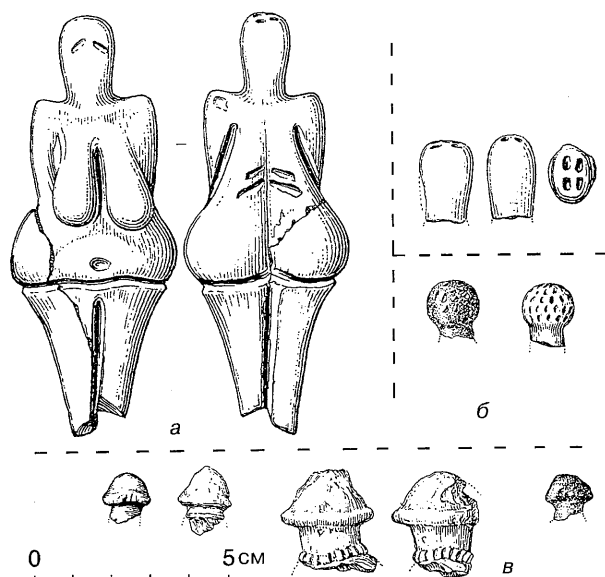

Рис. 2. "Венера" из Долни Вестонице I (a) и образцы женских головок различных типов (б - Долни Вестонице I и в - Павлов I).

нагих мужчин, или обнаженные фигуры без каких-либо признаков пола.

М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 1989б] первой начала изучать характер украшений на "Венерах" и предположила, что некоторая их часть представляет одежду. Наше исследование, продолжая начатую ею работу, концентрируется на детальном анализе данных украшений и показывает, что они действительно представляют собой одежду. Мы считаем наши предположения верными, поскольку согласны с наблюдени-

ями Р.А. Джойс - специалиста по статуэткам древней Южной Мезоамерики. По ее мнению, изображение человека является одним из способов воплощения стереотипов естественного или обусловленного поведения людей и для понимания взаимосвязи между недоступными для нас представлениями создателей статуэток и общественными представлениями важно учитывать, что не существует случайных деталей, поскольку выбор атрибутов - лишь часть процесса воссоздания человеческой сущности [Joys, 1993, p. 256].

Мы обращаем на эти черты особое внимание, поскольку на украшенных (или одетых) таким образом статуэтках четко детализированы как предметы одежды, так и первичные и вторичные половые признаки, что хорошо видно на примере "Венеры" из Виллендорфа (см. рис. 1) и на многих других статуэтках и их фрагментах. Подобные детализация и акцент дают нам редкую возможность однозначно понять идеологию верхнего палеолита и помогут в дальнейшей расшифровке ролей, которые играли женщины в обществе позднего плейстоцена. Это действительно так, поскольку Р. Лежур в своей работе, посвященной изучению статуэток Нового Света, отмечал: "Если статуэтки действительно служили способом передачи социальной сущности, то стереотипы, отраженные в наборах статуэток, могут дать важный ключ к пониманию того, что говорилось или не говорилось по поводу социальной принадлежности... Изучая то, что отображено или не отображено в статуэтках, а также то, как они различаются по социальным признакам, можно выдвинуть гипотезы относительно предмета разговоров о социальных различиях" [Lesure, 1997, p. 229].

Немногие ученые, такие как А.П. Окладников [1941] и З.А. Абрамова [1960], ставившие вопрос о вероятности существования одежды в палеолите, считали, что она изготовлялась из меха и шкур животных. По нашему мнению, одежда на европейских "Венерах" представляет собой не что иное, как тканые и плетеные предметы, изготовленные из растительного волокна, т. е. мы подтверждаем теоретические предположения, сделанные нашими предшественниками [Barber, 1994; Gvozdover, 1989a, б; Marshack, 1991].

"Одевание Венер"

Далее мы более подробно остановимся на "одежде Венер", обнаруженной на статуэтках граветтийского периода, датированных 20 - 27 тыс. л. н. Мы выбрали этот период в связи с тем, что женские изображения данного временного отрезка на территории всей Европы представляются самыми реалистичными и детализированными из тех, какими мы располагаем. Более поздние в большей степени стилизованы, что затрудняет четкую идентификацию [Soffer, 1997]. Поскольку статуэтки из Центральной и Восточной Европы найдены на

памятниках, которые большинство ученых относят к единой культурной общности, условно называемой Павлов - Виллендорф - Костенки - Авдеево (ПВКА) [Ibid], и в связи с тем, что, как отметила М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 19896], эти изображения имеют большее сходство между собой, чем с их аналогами из Западной Европы, мы рассматриваем их как одну группу и сравниваем ее с западноевропейской.

Головные уборы

Начнем с головы. М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 19896] уже отмечала, что восточноевропейские статуэтки различаются наличием или отсутствием головного убора либо украшения на голове, то же самое можно сказать и о статуэтках из Центральной Европы. Рис. 2 (б, в) отражает именно такое различие. Мы считаем его не случайным, а закономерным, так как существует большое количество образцов каждого типа. К первой категории можно отнести статуэтки из обоих регионов, на которых совершенно отсутствуют какие-либо реальные детали (например, образец из Долни Вестонице I); ко второй - статуэтки с некоторыми деталями причесок и лица (например, голова из мамонтовой кости из Долни Вестонице I или голова из Костенок I). Более интересны в данном отношении головы с четким изображением головных уборов с разной степенью детализации шляпок и шапочек. Таковые обнаружены в Долни Вестонице, Павлове, Костенках, Авдееве и Гагарине, они изготовлены из различных материалов: мергеля, песчаника, обожженной глины и мамонтовой кости.

На самой известной из них, на голове статуэтки из Виллендорфа, четко видно изображение головного убора, который представляет собой шапочку или шляпку, сплетенную из растительного волокна, а не прическу (см. рис. 1, б). Тщательно изучив данный экземпляр, мы установили, что это спирально или радиально сплетенное вручную изделие, возможно, изготовлявшееся по типу плетения корзины, начиная с узелка в центре. Представлена двухэлементная структура, в которой, очевидно, горизонтальный элемент основы, идущий по спирали вокруг головы справа налево, обматывается вертикальным элементом попеременно в направлении сверху вниз и наоборот, между витками четко виден элемент основы. Вокруг головы сделано по меньшей мере семь кругов, и два дополнительных полукруга идут по задней части шеи. Край в виде валика просто завершает последний горизонтальный круг основы. На шапочке, по-видимому, есть места сплетений, где был добавлен дополнительный материал. Достаточно сказать, что подобная сложная конструкция не может быть придана растущим, т. е. закрепленным человеческим волосам, следовательно она (конструкция), несомненно, представляет собой головной убор, а не прическу. Такая детализация с разной степенью реалистичности и стилизации часто встречается на обширной территории,

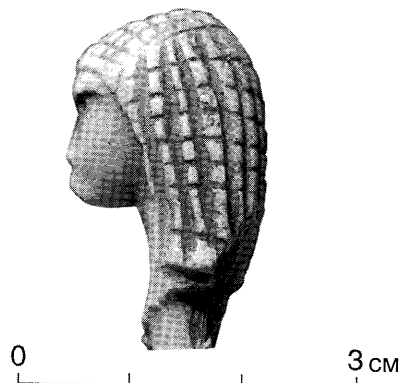

Рис. 3. “Венера” из Брасемпуи.

которую занимали группы, относимые к культурной общности ПВКА.

Западноевропейские образцы представляют иной стиль. Как в Центральной и Восточной Европе, некоторые женские головки лишены каких бы то ни было деталей, как, например, “Венера с рогом” из Лосселя или многочисленные фрагменты из Гримальди [Delporte, 1979; White, 1986]. Однако на других статуэтках обнаруживаются головные уборы, например, на “Венерах” из Брасемпуи (рис. 3) и Леспюг, на голове “негроида” из Гримальди или “Венере с сеткообразной головой” из Лосселя. Хотя изучение данных объектов еще не закончено, мы предполагаем, что эти изображения представляют собой плетеные сетки для волос. Подобная гипотеза уже выдвигалась Ф. Мозером в 1997 - 1998 гг. относительно статуэтки из Брасемпуи. Интересно отметить, что такие же плетеные головные украшения были обнаружены в ряде доисторических женских захоронений, найденных в болотах Дании [Hald, 1980], хотя они значительно удалены и по времени, и территориально от рассматриваемого материала.

Наконец, если на статуэтках верхнего палеолита имеется украшение в виде головного убора, оно в большинстве случаев полностью закрывает лицо. Это, как мы предполагаем, указывает на семантическую значимость головного убора в идеологии палеолита, очевидно, большую, чем идентификация отдельной личности.

Лифы

М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 19896] указала на наличие украшений в виде прямого клина с зигзагом в промежутке на верхней части тела у большого количества статуэток из Костенок и Авдеева и предположила, что они, возможно, представляют собой детали одежды. Новые находки, особенно из Костенок [Praslov, 1993, Abb. 8; Marshack, 1991, pl. 4, b, fig. 6], дают нам теперь возможность развить данную гипотезу. Четкая детализация на образце из Костенок показывает модель лифа на лямках и передает структуру, похожую на открытое плетение с каймой из рабочих петель по всему утку. Вдобавок мастер старательно отметил те места, где основная

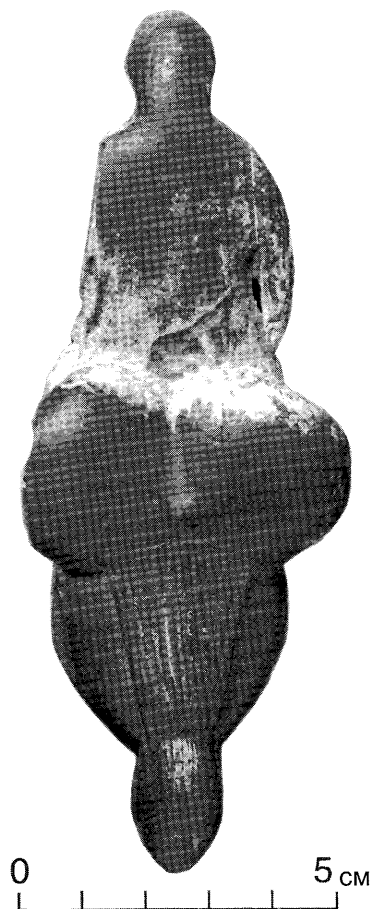

Рис. 4. "Венера" из Леспюг
(вид сзади).

часть лифа соединяется с ляжками, вероятно посредством сшивания. Каким бы особенным ни был способ прикрепления этих лямок, подобная гравировка указывает на ткань, а не кожу или шкуру.

Лифы, с ляжками или в виде полосок без лямок на верхней части груди, имеются практически на всех восточноевропейских фигурках с изображением тканых головных украшений. В тех случаях, когда их нет, как, например, на статуэтке из Виллендорфа, руки изображены сложенными на груди.

Данные предметы одежды отсутствуют на западноевропейских статуэтках. Это служит подтверждением вывода М.Д. Гвоздовер [Gvozdover, 19896] о том, что для Восточной Европы характерен семантический акцент на живот и грудь, а для Западной - на бедра.

Пояса

Пояса являются следующим предметом одежды, который был обнаружен на статуэтках. Судя по изображениям, иногда они присоединялись к веревочным юбкам, иногда их просто носили на талии или низко на бедрах. В Восточной Европе, видимо, пояса всегда носили на талии, в одних случаях их изображения есть

только на задней части статуэток, в других - только на передней (например, большой мергелевый фрагмент из Костенок [Marshack, 1991, pl. 4]).

У статуэток из Центральной и Западной Европы пояса, если они изображались, были низко на бедрах (например, фрагменты глиняных статуэток из Долни Вестонице и Павлова [Ibid, pl. 4, a, b]). Одни из них являются вполне реалистическими изображениями поясов, изготовленных из растительного волокна, другие, как на "Венере" из Долни Вестонице I (см. рис. 2, а), представляют собой сильно выделенные горизонтальные полосы, опоясывающие тело на уровне бедер. Такое же низкое расположение пояса на бедрах видно на "Венере" из Леспюг (рис. 4). В этом случае пояс прикреплен к веревочной юбке. Наши предварительные исследования данной статуэтки, на которой четко видно первичное (S) и последующее (Z) направление вплетения полосок ткани, а также распушение некоторых веревочек по краю юбки, подтверждают замечание Е. Барбер [Barber, 1991, 1994], что изображенная одежда была сделана из ткани, изготовленной из растительного волокна.

Браслеты и ожерелья

Последним часто встречающимся элементом "одежды Венер" являются браслеты и ожерелья, изображения которых есть на многих статуэтках из Центральной и Восточной Европы, но отсутствуют на фигурках из Западной Европы. Однако данные элементы представлены гораздо схематичнее, чем головные уборы, лифы и пояса, что не дает возможности однозначно определить их как предметы, изготовленные из растительного волокна. Мы можем только отметить, что, когда эти элементы изображены на статуэтках из местонахождений ПВКА, они всегда сочетаются с тканой одеждой, о которой шла речь выше.

Территориальные различия в "одежде Венер"

Вышеприведенные размышления относительно того, что носила "хорошо одетая Венера", указывают на явные различия между Западной, Восточной и Центральной Европой (рис. 5). Мы признаем, что отсутствие достаточного количества женских статуэток граветтийского и перигордийского периодов из Западной Европы делает нашу реконструкцию западноевропейского "одежды Венер" очень вольной, но все же на основании имеющихся данных предполагаем, что оно как минимум состояло из плетеной сетки для волос в ансамбле с веревочной юбкой и поясом, который носили низко на бедрах. Изображение веревочных юбок, вопреки мнению Е. Барбер [Barber, 1994], есть только на статуэтках из Западной Европы. (Но Е. Барбер исследовала единственный образец - статуэтку из мамонтовой кости, найденную в Гагарине, которая не имеет украшений*.)

* Устное сообщение R. White, 1999 г.

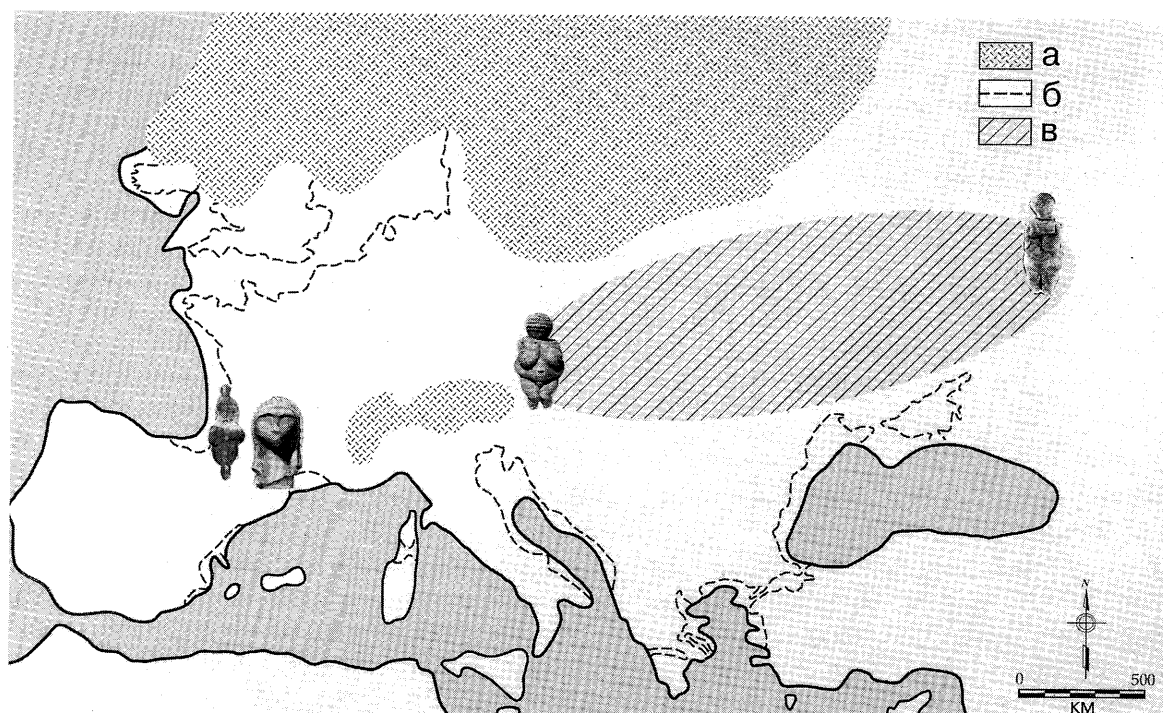

Рис. 5. Карта-схема расположения местонахождений “Венер” разных типов.
 а - площадь распространения ледника; б - границы береговой линии в период распространения ледникового покрова;
 в - ареал бытования палеолитических “Венер” в Центральной и Восточной Европе.

На статуэтках из Восточной и Центральной Европы всегда имеется плетеная шляпка, иногда в ансамбле с тканым лифом и поясом, а также браслетами и ожерельями. В соответствии с различиями семантического акцента между востоком и западом, отмеченными ранее, и промежуточным положением центральноевропейских статуэток, изображения поясов на статуэтках из Западной Европы располагаются низко на бедрах и по мере продвижения на восток они поднимаются выше на талию.

Мы уже говорили, что одежда обнаруживается только на женских статуэтках верхнего палеолита, тогда как редкие изображения мужчин и неидентифицируемые человеческие фигурки не имеют деталей подобного рода. Это позволяет явно связывать одежду только с женскими изображениями, причем лишь с некоторыми из них, так как не на всех женских статуэтках есть одежда. М.Д. Гвоздовер [Gvosdover, 1989a] показала также, что такая связь распространяется и на абстрактные украшения, разнообразные образцы которых были найдены в Костенках и Авдееве (рис. 6), и достоверно интерпретировала данные находки как синекдохи скульптурных изображений одетых женщин. Это в свою очередь дает нам возможность однозначно утверждать, используя терминологию Р. Лежур [Lesure, 1997], что именно тканая, плетеная одежда и головные уборы, изготовленные из растительных волокон, являлись теми важными предметами, о которых много “говорилось” на территории всей Европы около

25 тыс. л. н. и которые были связаны с определенной категорией женщин верхнего палеолита.

Значение “одеяния Венер” для реконструкции трудовой деятельности, социальной организации и идеологии

Повседневная одежда, погребальная одежда, “одеяние Венер”

Документально подтвердив “одеяние Венер” граветийского периода, далее мы перейдем к рассмотрению вопроса о том, какого рода была данная одежда: повседневной, погребальной или некоторой комбинацией первого и второго. Рамки статьи не позволяют детально обсудить данный вопрос. Мы вряд ли когда-нибудь сможем представить одежду верхнего палеолита во всех деталях, но укажем на два исходных момента для таких реконструкций: 1) свидетельства из захоронений, 2) иконографическая информация.

По нашему мнению, иконографические данные, согласно которым мужчины изображались обнаженными и только часть женщин одетыми, но не полностью, не являются “фотографическими” свидетельствами того, что в верхнем палеолите в Европе носили очень мало одежды или ее вообще не носили. Это предположение подтверждается этнографическими сведениями: все охотники-собиратели, жившие в северных широтах, были одеты, что в первую очередь связано с климатическими условиями. Количество и

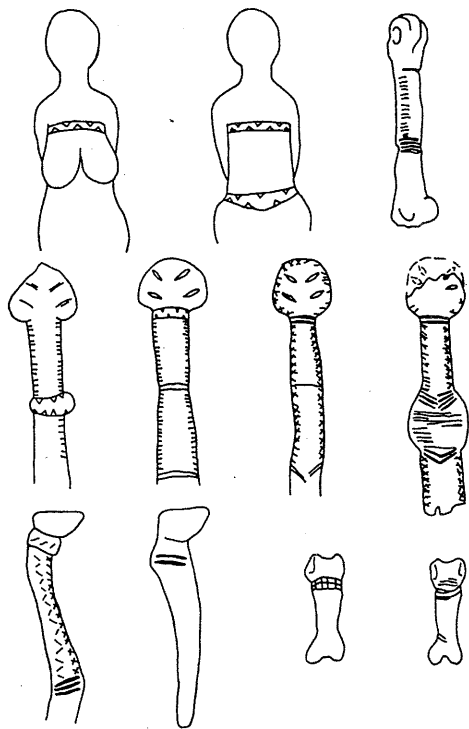

Рис. 6. Женские статуэтки из мамонтовой кости и костяные украшения из Костенок и Авдеева (по [Gvosdover, 1989b, fig. 8]).

характер одежды, несомненно, менялись в зависимости от времени года и условий. Однако имеющиеся данные подтверждают наше предположение, что иконографию верхнего палеолита не следует принимать как достоверное однозначное отражение того, какую одежду носили в повседневной жизни.

Свидетельства из погребений верхнего палеолита, хотя и чрезвычайно скудные, все же показывают, что и женщин, и мужчин хоронили полностью одетыми. Например, при реконструкции одежды погребенных в трех наиболее полно сохранившихся захоронениях в Сунгире, датированных примерно 25 тыс. л. н., по расположению большого количества бусин, а также характеру их деформации удалось установить, что на умерших была верхняя одежда с капюшоном, брюки с прикрепленной к ним обувью, накидки и шапки или шляпы [Бадер, 1978; Позднепалеолитическое поселение..., 1998]. Три человека, захороненные там, - старик, молодая женщина и мальчик 7 - 9 лет - имели, помимо одежды, много браслетов, ожерелий и колец на руках, в том числе и выше локтей. Реконструкция одежды, которая была на погребенных в граветтийских захоронениях в Италии, также подтверждает наличие головных уборов и других предметов одежды [Mussi, 1990].

Уже отмечалось, что одежда верхнего палеолита, как предполагали ученые, изготавливалась из шкур или меха [Абрамова, 1960; Окладников, 1941]. Отсутствие в настоящее время свидетельств в пользу или против этой гипотезы не позволяет проверить данное пред-

положение. Однако мы все же можем утверждать и утверждаем, что иконографические свидетельства говорят в пользу того, что хотя бы часть одежды верхнего палеолита изготавливалась из растительного волокна. Вероятно, такая одежда была связана с определенной категорией женщин верхнего палеолита. Более того, эта связь имела достаточно важное значение, поскольку она нашла свое отражение в разнообразных предметах, от фигурок до булавок, шилей и украшенных фаланг животных.

Родовое разделение

Вышеупомянутая связь дает нам возможность четко представить родовое разделение в граветтийском периоде. Поскольку, как отмечали Дж. Жеро и М. Конки [Engendering Archaeology, 1991], а также ряд других авторов, родовое разделение является способом группировки индивидуумов в разные социальные категории, вышеуказанные верхнепалеолитические свидетельства позволяют нам изменить традиционный подход к тому, что раньше рассматривалось как единое целое - будь то "граветтийцы", "верхнепалеолитические группы" или "охотники ледникового периода", - и начать изучать вопрос, как в столь удаленное от нас время индивидуумы объединялись в устойчивые социальные группы. Эта связь также дает нам возможность перейти к исследованию орудий труда, самого труда и ценности этого труда.

Занимаясь данным вопросом, мы учли предупреждение Л. Костин [Costin, 1996] о том, что наличие родового разделения в прошлом не следует предполагать, его нужно доказать. Она подчеркивает, что для этого в археологии обычно используется метод этнографической аналогии, однако, как указывают Л. Костин [Ibid], а до нее М. Вобст [Wobst, 1978], опора на этнографическую аналогию чревата опасностью представить случайные факты как постоянные, особенно это касается социальных явлений, которые сильно зависят от конкретных условий. Доступные палеолитические данные изначально ограничивают нас только двумя источниками информации - свидетельствами из захоронений и иконографией, а поскольку первый из них крайне скуден, то на практике мы имеем только иконографию.

Вопросам родового разделения мало уделяется внимания в литературе по палеолиту, а то, что есть, представляет собой в основном теоретические размышления, а не эмпирические исследования. Следует отметить одно исключение - работу Л. Конрой [Conroy, 1993], которая изучала антропоморфные изображения и считала, что родовые различия в верхнем палеолите существовали, хотя и в другой форме, чем сейчас. Основываясь на наличии некоего стиля в изображении женщин и отсутствии такового в изображении мужчин, Л. Конрой утверждает, что женский образ уже был включен в культурную концепцию, а мужской нет. В свою очередь, М.Д. Гвоздовер [Gvosdover, 1989a, б]

считает, что помимо деления по родам существовала дифференциация женщин на основе критериев, которые, по ее мнению, связаны не с возрастом, а скорее с некоторыми культурными представлениями.

Наше исследование “одеяния Венер” дополняет эти замечания, показывая связь тканых и плетеных изделий, используемых в качестве одежды, с одной социальной категорией женщин, которые, как обосновывается ниже, были вероятными изобретателями технологии их изготовления, производителями и пользователями данных изделий.

Доисторические ткачихи и вязальщицы

Как мы говорили выше, однозначное приписывание каких-либо технологий определенной социальной группе индивидуумов представляется крайне трудной задачей в археологии. Это особенно трудно, когда мы движемся назад во времени и не можем больше убедительно использовать аргументы исторической преемственности. В данном случае, когда нас отделяет по меньшей мере 25 тыс. лет от первых документальных свидетельств о тех, кто занимался ткачеством и плетением в доисторической Европе, в решении этой задачи мы вынуждены опираться на очень скудные сведения. Тем не менее все доступные нам данные иконографии и этнографические аналогии, которые обычно используются для разделения человеческих сообществ прошедших веков по родам, по нашему мнению, четко указывают на то, что именно женщины с наибольшей вероятностью были ткачихами и вязальщицами в граветтийский период.

Мы уже представили иконографические тому доказательства. Теперь кратко сошлемся на этнографические данные, которые документально свидетельствуют о том, что женщины занимались не только сбором растений и их обработкой [Murdock, 1937; Murdock, Provost, 1973; Owen, 1996; Watson, Kennedy, 1991], но и ткачеством и плетением из растительных волокон, а также изготовлением плетеных изделий из древесных материалов. Как отмечают многие ученые различных специальностей, это достоверно для всех примитивных обществ, в которых тканые и плетеные предметы изготавливаются для домашних и общественных нужд. Ситуация изменяется только тогда, когда такие недолговечные изделия попадают в сферу рыночного обмена [Barber, 1991, 1994; Hald, 1980; King, 1991; Scheider, Weiner, 1989].

Не следует думать, что мужчины не имели никакого отношения к утраченным технологиям, основанным на растительном волокне. Существует большое количество свидетельств того, что определенные категории предметов, такие как тканая обувь и некоторые виды сетей, часто изготавливались мужчинами. Однако, по нашему мнению, это было скорее исключением, а не нормой, о чем свидетельствуют этнографические документы относительно недавнего прошлого. Наверняка данное предпо-

ложение верно для ткачества и текстильного производства, где участие мужчин обычно бывает минимальным.

Ткани и корзины: труд и ценность

Наше обоснование того, что текстильное производство уже существовало в доисторической Европе и было связано с определенным полом, не только представляет важные новые знания о труде до сих пор не признаваемой группы людей верхнего палеолита - женщин, занимающихся только этим видом деятельности, но и позволяет говорить о высокой значимости данного труда.

Мы уже отмечали, что тонкой и трудоемкой детализации в изображении тканых одеяний на статуэтках одной группы “Венер” уделялось не меньше, а может быть и больше внимания, чем изображению признаков пола. Это явно указывает на то, что навыки ткачества и плетения, как и искусная готовая продукция, высоко ценились. Более того, они были настолько важны для людей верхнего палеолита, живших на территории Долни Вестониче, Павлова, Виллендорфа, Костенок, Авдеева и в других местах, где обнаружены стоянки людей, что превращались в трансцендентальные элементы культуры, запечатлявшиеся в камне и кости. Проще говоря, мы полагаем, что быть ткачихой, вязальщицей корзин или женщиной, которая могла носить подобные одеяния, означало занимать заметное положение в обществе, причем такой статус, по крайней мере в граветтийский период, имела только определенная категория женщин.

Последний вопрос, который мы хотим здесь рассмотреть, это вопрос о ценности труда. В данной работе и ранее мы уже отмечали тщательность и тонкость выделки тканых изделий, отпечатки которых были обнаружены на фрагментах керамики из Моравии, причем лучшие из них сравнимы по качеству не только с образцами неолита, но и с более поздними, а именно бронзового и железного веков, по сути, их можно сравнить даже с хлопчатобумажными и льняными изделиями нашего времени [Adovasio et al., 1996, 1997, in press; Soffer et al., 1998, in press]. Подобное совершенное ткачество представляется весьма трудоемким, следовательно, обнаружение свидетельств существования этого вида деятельности в верхнем палеолите, скорее всего, указывает на интенсификацию женского труда. Текстильную продукцию, запечатленную в древнейшей иконографии, можно определить, по образному выражению Г. Кларка [Clark, 1986], как “символ превосходства”. В частности, такая недолговечная продукция женского труда вполне могла служить “символом успеха” и была частью престижного хозяйства. Мы предлагаем данную гипотезу с учетом исследования Г. Кларка [Ibid] относительно доисторических ценностей, где отмечалось, что в примитивных обществах предметы, которые быстро подвергаются разрушению, очень часто имеют символическое значение. Данное наблюдение подтверждается

многочисленными иконографическими и археологическими данными (например, *atush* у айнов, ткани доисторической Мезоамерики и т. д.). Таким образом, мы добавляем еще одну категорию артефактов - тканые и плетеные - к ценным предметам из мамонтовой кости и ракушечника, которые Г. Кларк [Ibid] интерпретировал как социально значимые материалы верхнего палеолита. Однако в отличие от ценных предметов из мамонтовой кости и ракушечника, чьи создатели наверняка останутся неизвестными, в случае с текстильными и плетеными изделиями верхнего палеолита мы имеем дело с технологиями, которые связаны с определенным полом, т. е. производство ценностей прямо ассоциируется с женским трудом.

Выводы

Переходя от частного к общему, мы хотели бы закончить данную работу следующими выводами.

1. Разнообразные текстильные, плетеные и сетчатые изделия изготавливались в Европе верхнего палеолита, по крайней мере, уже около 27 тыс. л. н. Они, вероятно, использовались как в быту, так и для охоты. Согласно данным иконографии, такие изделия служили одеждой.

2. Иконографические свидетельства связывают ношение одежды с одной категорией женщин верхнего палеолита, чье одевание включало плетеные шапочки, сетки для волос, лифы, веревочные юбки и пояса.

3. Данные о производстве уже в граветтийский период различных сложных тканых изделий указывают на то, что в верхнем палеолите было нечто большее, чем “веревочная революция” и ношение соблазнительных веревочных юбок (вопреки мнению Е. Барбер [Barber, 1991, 1994]). Скорее всего, женщины палеолита изготавливали и носили разнообразную одежду, включая плетеную и из простых тканей, выработанных на ткацком станке без ремизной нити.

4. Представленное “одевание Венеры” явно не являлось повседневной одеждой. Вероятнее всего, оно было ритуальным. По своему стилю одежда на западе и востоке Европы различалась.

5. Этнография, этноистория и иконография верхнего палеолита четко связывают изготовление тканей и корзин с женщинами, тем самым указывают не только на наличие женского труда, но и на один из принципов дифференциации верхнепалеолитических сообществ.

6. Связь с изготовлением тканей и корзин только некоторой части “Венер” верхнего палеолита отражает тот факт, что женщины играли разнообразные роли в обществе; помимо предопределенных полом были и такие, которые ассоциировались с определенным статусом в обществе.

7. Как изящество отделки некоторых текстильных изделий, так и фиксация данной технологии в иконог-

рафии указывают на то, что изделия из растительного волокна имели определенную ценность.

8. Сохранение текстильных и плетеных изделий в иконографии говорит о том, что они, видимо, были “символами превосходства”, выступая в качестве важных показателей престижного хозяйства и отличительных признаков занимаемого положения в обществе.

9. Наконец, замечание А. Маршака [Marchack, 1991, p. 29], что «“Венера из Виллендорфа”... была богато и тщательно одета», с которого мы начали данную статью, представляется верным не только в переносном, но и в совершенно буквальном смысле. Действительно, она и ее сестры были богато и тщательно одеты в тканые и плетеные наряды своего времени.

Благодарности

Мы считаем необходимым выразить свою благодарность доктору М.Д. Гвоздовер, чьи первые работы по исследуемому вопросу вдохновляли и будут вдохновлять нас. Мы также благодарны Марсии-Анне Добре, Нанси Фишер, Альме Готлиб, Д. Жири Свобода и Рэнди Уайт за их глубокие комментарии и предложения, Матти Бунцель и его отцу за неоценимую помощь в наших исследованиях. Доктор Антл Вальпурга очень помог нам в изучении “Венеры” из Виллендорфа; Д. Жири Свобода и М. Ленка Джарасова помогли в изучении материалов из Моравии; Д. Француза Одуз оказала нам подобную помощь во Франции. Художественные работы в данной статье были выполнены Стивом Холландом. Джефф Иллингворт помог с выпуском статьи.

О. Соффер выражает огромную признательность Международному Совету по науке и обмену за финансовую поддержку ее исследований по верхнему палеолиту в Центральной и Восточной Европе, а также Госдепартаменту США (программа 8), Национальной Академии наук США, Национальному совету по гуманитарным наукам и Совету по научным исследованиям при Университете Иллинойса. Мнения и выводы, представленные в статье, а также возможные ошибки и неточности полностью остаются на совести авторов и никоим образом не могут быть связаны с любым из упомянутых выше учреждений или организаций, оказывавших авторам помощь.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека верхнего палеолита в Европе и Сибири // МИА. - 1960. - № 79. - С. 126 - 149.
- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. - (САИ; Вып. А 4-3).
- Бадер Н.О.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. - М.: Наука, 1978. - 271 с.
- Окладников А.П.** Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.) // МИА. - 1941. - № 2.
- Пидопличко И.Г.** Межиричские жилища из костей мамонта. - Киев: Наук. думка, 1976.
- Позднепалеолитическое поселение Сунгирь.** - М.: Научный мир, 1998.
- Adovasio J.M., Soffer O., Klima B.** Paleolithic Fiber Technology: Data from Pavlov I, ca. 26,000 B.P. // *Antiquity*. - 1996. - N 70. - P. 526 - 534.

- Adovasio J.M., Hyland D.C., Soffer O.** Textiles and Cordage: Preliminary Assessment // Pavlov I 1957 Excavations / Ed. by J. Svoboda. - Brno: Archeologicky Ustav AV CR, 1997. - P. 403 - 424.
- Adovasio J.M., Hyland D.C., Klima B., Svoboda J., Soffer O.** Textiles, Basketry and Nets in Upper Paleolithic Moravia: Perishable Technology in the Pavlov Culture // Archeologické rozhledy. - (In press).
- Barber E.J.W.** Prehistoric Textiles. - Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Barber E.J.W.** Women's work: The first 20,000 Years. - N. Y.: W.W. Norton and Co, 1994.
- Cheynier A.** Comment Vivait l'Homme des Cavernes / Ed. by Robert Arnoux. - P., 1967.
- Childe V.G.** Man makes himself. - N. Y.: Mentor Books, 1936.
- Clark G.** Symbols of Excellence. - Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Conroy L.P.** Women in Archaeology // Women in Archaeology / Ed. by H. du Cross and L. Smith. - Canberra: The National University, 1993. - P. 153 - 160. - (Occasional Papers in Prehistory N 23. Dept of Prehistory, Research School of Pacific Studies).
- Costin L.** Exploring the Relationship between Gender and Craft in Complex Societies: Methodological and Theoretical Issues of Gender Attribution // Gender and Archaeology / Ed. by R.P. Wright. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. - P. 111 - 142.
- Delporte H.** L'Image de la Femme dans l'art préhistorique. - P.: Picard, 1979.
- Dobres M.A.** Re-considering Venus Figurines: A Feminist-Inspired Re-analysis // Ancient Images, Ancient Thought: The Archaeology of Ideology: Proceedings of the 1990 International Chacmool Conference / Ed. by A.S. Goldsmith, S. Garvie, D. Selin and J. Smith. - Calgary: University of Calgary, 1992. - P. 254 - 262.
- Duhard J.P.** L'identifite physiologique, un element d'interpretation des figurations feminines paleolithiques // Trabajos de prehistoria. - 1994. - N 51.
- Engendering Archaeology** / Ed. by J.M. Gero and M. Conkey. - Oxford: Blackwell, 1991.
- Gvozdozer M.D.** Ornamental Decoration on Artifacts of the Kostenki Culture // Soviet Anthropology and Archaeology. - 1989a. - N 27(4). - P. 8 - 31.
- Gvozdozer M.D.** The Typology of Female Figurines of the Kostenki Paleolithic Culture // Soviet Anthropology and Archaeology. - 1989b. - N 27(4). - P. 32 - 94.
- Hald M.** Ancient Danish Textiles from Bogs and Burials. - Copenhagen: The National Museum of Denmark, 1980.
- Joyce R.A.** Women's Work: Images of Production and Reproduction in Pre-Hispanic Southern Central America // Current Anthropology. - 1993. - Vol. 34. - P. 255 - 274.
- Kehoe A.B.** Points and Lines // The Powers of Observation: Alternative Views in Archaeology / Ed. by S.M. Nelson and A.B. Kehoe. - 1990. - N 2. - P. 23 - 27. - (Archaeological Papers of the American Anthropological Association).
- King M.E.** The Perishable Preserved: Ancient Textiles from the Old World with Comparisons from the New World // The review of Archaeology. - 1991. - Vol. 13(1). - P. 2 - 11.
- Klima B.** Lovci mammutů z Predmostí. - Praha: Academia, 1990.
- Leroi-Gourhan A., Allain J.** Lascaux Inconnu. - P.: CNRS, 1979.
- Lesure R.G.** Figurines and Social Identities in Early Sedentary Societies // Women in Prehistory / Ed. by C. Classen and A. Joyce. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. - P. 227 - 248.
- Marshack A.** The Female Image: A "Time-factored" Symbol. A Study in Style and Aspect of Image Use in the Upper Paleolithic // Proceedings of the Prehistoric Society. - 1991. - Vol. 57, part 1. - P. 17 - 31.
- McDermott L.** Self-Reproduction in the Upper Paleolithic Female Figurines // Current Anthropology. - 1996. - Vol. 37. - P. 227 - 276.
- Moser F.** Archeologie experimentale historique et methodologie // Annales des Journaux Archeologiques de l'Association des Amis du Passé du St. C'ere. - France, 1997.
- Murdock G.P.** Comparative data on the Division of Labor by Sex // Social Forces. - 1937. - N 15. - P. 551 - 553.
- Murdock G.P., Provost C.** Factors in the Division of Labor by Sex. A Cross-Cultural Analysis // Ethnology. - 1973. - Vol. 12. - P. 203 - 226.
- Mussi M.** Continuity and Change in Italy at the Last Glacial Maximum // The World at 18,000 BP / Ed. by O. Soffer and C. Gamble. - L.: Unwin Hyman, 1990. - Vol. 1: High Latitudes. - P. 126 - 147.
- Nadel D., Danin A., Werker E., Schick T., Kislev M.E., Stewart K.** 19000-Year-Old Twisted Fibers from Ohalo II // Current Anthropology. - 1994. - Vol. 35(4). - P. 451 - 457.
- Owen L.R.** Der Gebrauch von Pflanzen in Jungpalaolithikum Mitteleuropas // EAZ Ethnogr.-Archaol. Z. - 1996. - Vol. 37. - P. 119 - 146.
- Praslov N.D.** Eine neue Frauentatue aus Kalkstein von Kostenki I (Don, Russland) // Archäologisches Korrespondenzblatt. - 1993. - Bd 23, H. 2. - S. 165 - 173.
- Schneider J., Weiner A.** Introduction // Cloth and Human Experience. - Wash.: Smithsonian Institution Press, 1989. - P. 1 - 15.
- Soffer O.** Upper Paleolithic Connubia, Refugia and Archaeological Record from Eastern Europe // Pleistocene Old World: Regional Perspectives / Ed. by O. Soffer. - N. Y.: Plenum Publishing Co., 1987. - P. 333 - 348.
- Soffer O.** The Mutability of Upper Paleolithic Art in Central and Eastern Europe: Patterning and Significance // Beyond Art / Ed. by M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann and N. Jablonski. - San Francisco: University of California Press, 1997. - P. 239 - 262.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C., Klima B., Svoboda J.** Perishable Technologies and the Genesis of the Eastern Gravettian // Anthropologie. - 1998. - Vol. 36, N 1/2. - P. 43 - 68.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C., Illingworth J.S., Klima B., Svoboda J.** Perishable Industries from Dolni Vestonice I: New Insights into the Nature and Origin of the Gravettian // Proceedings of the Masaryk University Conference. - (In press).
- Soffer O., Conkey M.** Studying Ancient Visual Culture // Beyond Art / Ed. by M. Conkey, O. Soffer, D. Stratmann and N. Jablonski. - San Francisco: University of California Press, 1997. - P. 1 - 16.
- Sterdeur-Yedid D.** Les Aiguilles à Chas au Paleolithique: XII Supplement à Gallia Préhistoire. - P.: CNRS, 1979.
- Watson P.J., Kennedy M.C.** The Development of Horticulture in the Eastern Woodlands of North America: Women's Role // Engendering Archaeology / Ed. by J.M. Gero and M.W. Conkey. - Oxford: Blackwell, 1991. - P. 255 - 275.
- White R.** Dark Caves, Bright Visions. - N. Y.: The American Museum of Natural History, 1986.
- Wobst M.** The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology // American Antiquity. - 1978. - Vol. 43. - P. 303 - 309.
- Yalon M.** A History of the Breast. - N. Y.: Knopf, 1997.

Материал поступил в редколлегию 27.04.99 г.

Перевод с английского Н.Н. Киселевой

В.Д. Кубарев¹, Д. Цэвээндорж²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090 Новосибирск, Россия
E-mail: kubarev@paleo.archaeology.nsc.ru*

² *Институт истории АН Монголии, ул. Шуудангийнслбар, 19,
Улан-Батор, Республика Монголия
E-mail: jganbold@magicnet.mn*

TERRA INCOGNITA В ЦЕНТРЕ АЗИИ

На пороге третьего тысячелетия на Земле, наверное, уже не осталось “белых пятен”, нет уже таких мест, где бы не побывал наш современник. Пожалуй, только отдельные труднодоступные области азиатских гор и пустынь до сих пор остаются неисследованными и ждут своих первооткрывателей. Такой загадочной и неизвестной землей можно назвать Монгольский Алтай (рис. 1). Его территория до сегодняшнего дня не только является естественным природным резерватом, но и остается малоизученным археологическим заповедником.

Для многих известных путешественников и ученых, стремившихся в глубинные районы Юго-Восточной Азии, суровые горы Монгольского Алтая служили как бы перевалочным пунктом, коротким эпизодом и началом их странствий. Вероятно, поэтому в обширных трудах, посвященных изучению различных регионов Азии, почти нет сведений о древних памятниках этого края. Особенно интересным в плане изучения древних культур Центральной Азии представляется Баян-Олгийский аймак - самая высокогорная часть Монголии (49° 19' с. ш. - 88° 26' в. д.). Вот уже в течение шести полевых сезонов здесь проводит исследования Восточно-Алтайский отряд Института археологии и этнографии СО РАН (рис. 2). Работы осуществлялись совместно с учеными Академии наук Монголии при финансовой поддержке Орегонского университета и Президиума Сибирского отделения Российской Академии наук.

К настоящему времени наконец удалось определить границы огромного петроглифического комплекса, расположенного в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур. Рисунки, выбитые на скалах (рис. 3) и на

отдельных глыбах моренных гряд, насчитываются многими тысячами и встречаются на протяжении 15 - 20 км вдоль южных склонов гор. По возрасту (от неолита до средневековья), стилю, разнообразию сюжетов и персонажей они являются уникальными, образуя самостоятельный историко-культурный регион не только в пределах Монгольского Алтая, но и во всей Центральной Азии.

В Баян-Олгийском аймаке известно еще несколько, менее крупных, пунктов с петроглифами: 1) в долине р. Хара-Яма, 2) Хара-Чулун, в долине р. Цагаан-Гол, 3) в долине р. Хара-Ус (правом притоке Цагаан-Гола), 4) на левом берегу Цагаан-Гола, ниже слияния рек Хара-Ус и Цагаан-Ус. На всех этих местонахождениях, отличающихся локальным своеобразием, проводились работы по копированию рисунков, фотографированию и определению координат памятников.

В 1998 г. у границы с Китаем, на западном берегу оз. Хотон, в местности Арал-Толгой (48° 20' с. ш. - 89° 30' в. д.) нами открыто небольшое (по площади и числу рисунков), но, без сомнения, выдающееся местонахождение петроглифов. Изображения различных животных и птиц выполнены в основном на горизонтальных плоскостях невысокой горной гряды в архаичной контурной технике, сильно выветрены и патинизированы. Петроглифы Арал-Толгой, возможно, самые древнейшие в Монгольском Алтае. Компактное скопление рисунков на Хотоне, даже судя по предварительному сравнительно-типологическому анализу изображений, имеет небольшой хронологический диапазон. Его можно датировать в пределах неолита - ранней бронзы, потому что для более ранней даты пока нет серьезных и убедительных данных. Здесь